

12+

ЛЕВ БОЙЦОВ

Бедный, честный, злой: психология денег в России

Лев Бойцов

Бедный, честный, злой: психология денег в России

<https://litres.ru/74285762>

ISBN 9785007074872

Аннотация

Вы просыпаетесь с мыслью о деньгах. Засыпаете с ней же. Зарабатываете больше, но легче не становится. Стыдитесь бедности, но боитесь богатства. Копите годами — и срываетесь на распродаже. Берёте кредит, чтобы закрыть другой. И не можете объяснить, почему.

Это книга про голоса из детства, культурные коды, дофаминовые ловушки и страхи, которые управляют вашим кошельком, о том, почему мы такие. И вопрос, который может изменить всё: кто на самом деле решает, сколько вам можно иметь?

Содержание

Часть первая. Диагноз: как мы мыслим о деньгах	7
Глава 1. Утро, которое начинается с подсчётов	7
Глава 2. Деньги — это не цифры, это чувства	13
Глава 3. Денежный сценарий: что нам завещали родители	19
Глава 4. Культурный код: русские деньги сквозь века	25
Часть вторая. Как работает мышление бедности и богатства	30
Глава 5. Психология бедности: что это и как она работает	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Бедный, честный, злой: психология денег в России

Лев Бойцов

© Лев Бойцов, 2026

ISBN 978-5-0070-7487-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я не финансовый консультант и не гуру успеха. Я — человек, который долго и пристально наблюдал за своими отношениями с деньгами, а потом — за отношениями других. За теми самыми людьми, которые просыпаются с подсчётами, засыпают с тревогой и не могут понять, почему при нормальной зарплате всё равно чувствуют себя бедными. За теми, кто боится смотреть в кошелёк, но не может перестать думать о деньгах. За теми, кто стыдится просить о повышении, кто берёт кредиты, чтобы закрыть другие кредиты, кто покупает на распродаже то, что не нужно, а потом мучается чувством вины.

Эта книга родилась из простого вопроса: почему у нас такие странные отношения с деньгами? Почему мы одновременно хотим их и боимся? Почему мы считаем, что быть

бедным — стыдно, а быть богатым — страшно? Почему в России так силён конфликт между «духовностью» и «богатством», между «честной бедностью» и «неправедным богатством»? И почему наши родители, сами того не зная, передали нам сценарии, которые мы воспроизводим, даже когда они нам мешают?

Я не даю готовых решений. Я не говорю «делайте так, и вы разбогатеете». Я предлагаю другое: посмотреть на свои деньги не как на цифры на счету, а как на зеркало своей психики, своих страхов, своих надежд, своих травм. Я рассказываю о том, как работает дофаминовая ловушка, почему мы совершаем иррациональные покупки, как устроена психология бедности, и почему она затягивает. Я говорю о том, что деньги в семье — это не про бюджет, а про власть, доверие и страх быть отвергнутым. Я разбираю гендерные сценарии, которые заставляют женщин чувствовать себя виноватыми за траты на себя, а мужчин — бояться потерять статус добытчика. И я делюсь инструментами, которые помогают выходить из долговой ямы, разрешать себе иметь, переставать бояться денег и видеть в бюджете не наказание, а терапию.

Эта книга для российского читателя, который чувствует, что его отношения с деньгами «странные», но не может понять, почему. Она построена на нейробиологических фактах, психологических теориях, культурных наблюдениях и живых зарисовках из повседневной жизни. Я пишу её без мотивационных лозунгов, без «стань лучшей версией себя»,

без менторства и готовых рецептов. Только честный анализ, узнаваемые истории и открытые вопросы, которые остаются с читателем.

Потому что деньги — это не про жадность. Это про свободу. И я хочу, чтобы каждый, кто прочитает эту книгу, мог хотя бы на шаг приблизиться к этой свободе.

Часть первая. Диагноз: как мы мыслим о деньгах

Глава 1. Утро, которое начинается с подсчётов

Будильник прозвенел в семь тридцать, но он уже не спал, лежал с открытыми глазами, глядя в потолок, и в голове крутились цифры. Четырнадцатого числа — платёж по кредитной карте. Двадцать восьмого — коммуналка. Третьего числа следующего месяца — автокредит. Он знал эти даты наизусть, они ввелись в память прочнее, чем дни рождения близких. «До зарплаты осталось двенадцать дней, — подумал он, — на карте три тысячи двести, из них завтра нужно отдать тысячу за репетитора сыну. Остаётся две тысячи на двенадцать дней. Если не покупать кофе в кофейне, можно сэкономить примерно...»

Он сел на кровати и потёр лицо ладонями. За окном начиналось утро — серое, московское, с мелким дождём, который обещал затянуться до вечера. В соседней комнате завозился сын, на кухне загремела посудой жена. Обычный день. Но он начался не с «доброго утра» и не с планов на день, а с подсчётов, с тревожного перебора цифр, который должен

был успокоить, а успокаивал всё меньше.

Это состояние знакомо многим, гораздо большему числу людей, чем принято думать. Утро, которое начинается с денег, — не метафора и не литературный приём. Это реальность, в которой живёт огромная часть страны. Мы просыпаемся, и первая мысль не о том, что сегодня будет хорошего, не о близких, не о деле, которое предстоит сделать. Первая мысль — о деньгах. Хватит ли? Где взять? Когда отдавать? И даже когда денег достаточно — когда зарплата пришла, долги закрыты, на карте лежит сумма, которая ещё год назад казалась бы мечтой, — привычка считать не исчезает. Она просто меняет форму. Вместо «хватит ли до зарплаты» приходит «а не мало ли я зарабатываю» и «сколько ещё нужно, чтобы чувствовать себя спокойно».

Парадокс в том, что деньги становятся фоном всей жизни именно тогда, когда их не хватает, или когда их слишком много.

В первом случае они заполняют собой всё пространство сознания, не оставляя места для других мыслей.

Во втором — превращаются в постоянный источник тревоги: как сохранить, как приумножить, не потеряю ли.

Деньги оказываются вездесущими. Они проникают в отношения, в сон, в разговоры за ужином, в молчаливые сцены перед закрытым кошельком. Они становятся тем, о чём мы думаем постоянно, но избегаем говорить вслух.

Как пишет **Владислав Чубаров** в книге «Я и мои день-

ги», на то, как мы обращаемся с финансами, влияет множество психологических факторов, большую часть которых мы даже не осознаём. Деньги — это непросто, даже когда их много, и очень трудно, когда их не хватает.

Чубаров, психолог по профессии и человек, зарабатывающий хорошие деньги, замечает, что корень наших финансовых проблем лежит не во внешнем мире — не в экономике, не в работодателе, не в везении, — а в нашей собственной голове. Мы часто даже не знаем, какие подсознательные установки подрывают наше финансовое благополучие, сколько бесполезного балласта устаревших убеждений мы храним.

Именно это и происходит в то самое утро, которое начинается с подсчётов. Человек не просто считает деньги. Он воспроизводит сценарий, который был записан в его психике задолго до того, как он впервые взял в руки купюру, в котором деньги — это источник тревоги, а не ресурс, в котором их всегда мало, даже когда объективно достаточно, в котором смотреть в кошелёк страшно, но не смотреть — ещё страшнее.

Артём Демиденко в книге «Психология денег: Почему мы тратим и как начать копить» говорит о том, что понимание психологии денег — это не просто попытка разобраться, почему нам хочется тратить или копить, а ключ к осознанному управлению своей жизнью. Деньги, по его словам, — не просто средство обмена, а зеркало наших убеждений, чувств и опыта. Одно из важных открытий психологии

денег — влияние детства и семейных установок на наше отношение к финансам. Финансовая модель складывается не только из знаний, но и из эмоций, зафиксированных в детстве.

Вернёмся к нашему герою. Он не помнит, когда впервые научился считать деньги так, как считает сейчас. Возможно, это было в детстве, когда он слышал, как родители шепотом обсуждали, на что не хватает. Или когда в ответ на просьбу купить игрушку слышал: «денег нет». Или когда видел, как мать пересчитывает мелочь перед походом в магазин. Эти сцены не сохранились в отчётливой памяти — они остались где-то на периферии, в той области психики, которая не требует осознания. Но именно они сформировали то самое утреннее состояние: привычку просыпаться с тревогой и засыпать с подсчётами.

Демиденко приводит показательный пример: женщина в своих тридцать лет регулярно откладывает на крупные покупки, но не может накопить ни копейки. Разбор её истории показал, что в её семье траты считались «нарушением бюджета», а финансовая свобода строго осуждалась. Вывод, который делает автор, прост и труден одновременно: чтобы изменить финансовые привычки, нужно сначала разобраться и проработать эмоциональные препятствия. Но как это сделать, если эти препятствия не видны? Если они растворены в повседневности, в привычных мыслях, в тех самых утренних подсчётах, которые кажутся такими естественными?

Чубаров предлагает смотреть на деньги не как на цель, а как на инструмент. В его понимании, ответственные люди могут заправлять деньгами «машину» своей жизни и ехать на ней туда, куда им хочется, строить нечто прочное. Но для этого нужно понять, где место денег в личной иерархии целей, какую часть жизни человек готов им посвящать. Большие деньги, замечает Чубаров, требуют большой самоотдачи. У человека не может быть семь приоритетов сразу. И в этом, возможно, кроется ключ к тому самому утру, которое начинается с подсчётов. Если деньги занимают всё пространство сознания, значит, они стали не инструментом, а главным приоритетом — даже если человек этого не осознаёт. И этот приоритет не приносит спокойствия. Он приносит только тревогу.

Но что, если утро могло бы начинаться иначе? Если бы первая мысль была не о цифрах, а о чём-то другом? О том, что предстоит сделать, о людях, которые рядом, о том, что приносит радость?

Демиденко пишет, что создавая позитивный, конструктивный взгляд на финансы, мы учимся не просто зарабатывать, но и разумно тратить, инвестировать и делиться. Истинная суть финансового интеллекта — умение находить гармонию между материальным и духовным, что порождает стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Гармония. Слово, которое звучит почти издевательски в то утро, когда на карте три тысячи на двенадцать дней. Но,

возможно, гармония — это не про количество денег. Это про отношение к ним. Про то, чтобы перестать делать их главным содержанием своей жизни, даже когда их не хватает. Про то, чтобы разрешить себе не считать каждую копейку, хотя бы в первые минуты после пробуждения.

Он встал с кровати и пошёл на кухню. Жена наливала кофе. Сын уже сидел за столом, сонный, с взлохмаченными волосами. За окном всё так же моросил дождь. Он сел за стол, взял чашку, и в голове снова всплыло: «До зарплаты двенадцать дней, на карте три тысячи двести...» Он остановил себя. Сделал глоток. Кофе был горячим и горьким.

Интересно, а что, если бы он не знал, сколько у него на карте? Что, если бы он позволил себе просто пить кофе, не думая о цифрах? Хотя бы пять минут. Хотя бы одно утро. Что бы тогда случилось?

Он так и не узнал ответа в то утро. Но вопрос остался висеть в воздухе, оседая вместе с паром от кофейной чашки.

Как часто ваше утро начинается с подсчётов? И что, по-вашему, остаётся за кадром этих подсчётов — за цифрами, которые вы так старательно перебираете в голове?

Глава 2. Деньги — это не цифры, это чувства

Она смотрела на экран телефона, где светилась зелёная цифра. Премия. Небольшая, но ощутимая — такая, что можно было наконец купить тот самый диван, который они с мужем выбирали уже три месяца. Или отвезти родителей в санаторий. Или просто перестать на месяц думать о том, сколько стоит килограмм помидоров. Пальцы дрожали. В горле застрял комок.

Через минуту она уже писала подруге: «Представляешь, дали премию! Неожиданно, я вообще не надеялась». И тут же, не дожидаясь ответа, добавила: «Наверное, как-то странно потратить. Может, отложить? А вдруг что-то случится? И вообще, я не заслужила. Начальник просто в хорошем настроении, мы же ничего такого не сделали».

Она не замечала, как её лицо изменилось. Улыбка исчезла, плечи напряглись, дыхание стало поверхностным. Цифра на экране — объективно радостная новость — превратилась в источник тревоги. И это не было исключением, не было странной реакцией конкретной женщины. Это был типичный пример того, как деньги перестают быть цифрами и становятся чувствами. Очень сложными, противоречивыми, часто мучительными.

Морган Хаузел в своей книге «Психология денег.

Вечные уроки богатства, жадности и счастья» пишет об этом с той спокойной ясностью, которая бывает только у людей, много наблюдавших за финансовым поведением других. Деньги, утверждает он, не являются чисто математической задачей. Это поведенческая проблема. В мире финансов слишком много случайностей, слишком мало исторических примеров, которым можно доверять, слишком много места для гордости, ревности и страха. Иными словами, управление деньгами — это не про цифры в таблице. Это про отношения человека с самим собой, с прошлым, с будущим, с другими людьми.

Вот почему зелёная цифра на экране телефона способна вызвать не радость, а панику. Вот почему получение премии может сопровождаться чувством вины. Вот почему, когда у человека наконец появляются деньги, он часто ведёт себя так же тревожно, как когда их нет.

Хаузел приводит важное наблюдение: люди, которые много работают с деньгами, редко становятся хорошими управленцами личных финансов, потому что в мире личных финансов важны не столько профессиональные знания, сколько психологическая устойчивость, умение справляться с собственными эмоциями.

Аркадий Гранинский в «Психологии денег. Ваши взаимоотношения с финансами» говорит о деньгах как о проекции наших внутренних конфликтов. Деньги — это не просто материальные ценности, а отражение того, как мы

видим себя и своё место в этом мире. Гранинский выделяет несколько уровней отношений с деньгами, начиная от базового выживания и заканчивая чувством свободы и самореализации. И на каждом из этих уровней — свои страхи, свои установки, свои эмоциональные ловушки.

Но как именно деньги становятся чувствами? Как механически — в буквальном смысле — происходит эта трансформация?

Нейробиология даёт часть ответа. Когда мы думаем о деньгах, активируются те же зоны мозга, что и при переживании боли или удовольствия. Ожидание потери денег вызывает реакцию, сходную с реакцией на физическую угрозу. Именно поэтому мы избегаем смотреть в кошелёк, когда подозреваем, что денег там мало, — и именно поэтому не можем перестать о них думать, когда их больше обычного. Страх, вина, стыд, гордость, надежда, отчаяние — все эти чувства находят в деньгах идеальный проводник.

Наша героиня не просто получила премию. Она столкнулась с тем, что Хаузел называет «недооценкой собственного везения». Человеческий мозг устроен так, что мы склонны объяснять успехи внешними обстоятельствами, а неудачи — собственными ошибками. Это работает и в обратную сторону: хорошие события мы часто не присваиваем себе, не чувствуем их заслуженными. «Я не заслужила», — говорит она себе, хотя проработала сверхурочно две недели, взяла на себя чужой проект и сдала его в срок. Но в этом внутреннем

диалоге нет логики. Есть чувство, что деньги — это опасная вещь, и если они появились, значит, скоро придётся за них расплачиваться или отдавать, или терять.

Гранинский описывает такое состояние как «денежную тревогу» — устойчивое эмоциональное напряжение, связанное с финансами, которое сохраняется независимо от реального положения дел. Человек с денежной тревогой будет переживать и при низком, и при высоком доходе. Потому что его отношение к деньгам сформировано не реальным опытом, а внутренней структурой, которая привыкла к дефициту, опасности, недостойности.

Сцена, где женщина сообщает подруге: «Я не знаю, как потратить эту премию. Мне как-то неловко», — это не просто разговор. Это воспроизведение старого сценария. Возможно, в детстве она слышала: «Мы не можем себе этого позволить» или «Деньги надо зарабатывать честно, а не получать просто так». Возможно, её хвалили за скромность и порицали за желание иметь. Возможно, в её семье деньги были темой, которую нельзя было обсуждать, или, наоборот, темой, которая заполняла все разговоры. Эти фрагменты складываются в мозаику, которую человек носит с собой и не осознаёт.

Хаузел приводит замечательный пример: он рассказывает о том, как люди, выросшие в разных экономических условиях, по-разному реагируют на финансовые кризисы. Те, кто застал дефицит, часто паникуют и продают активы на дне

рынка. Те, кто застал рост, могут не заметить кризиса. И те и другие считают своё поведение рациональным. Но в реальности они просто воспроизводят заученные в детстве эмоциональные реакции, которые не имеют отношения к текущей ситуации.

Наша героиня, глядя на зелёную цифру, не видит диван, не видит санаторий для родителей, не видит свободу на месяц от подсчётов. Она видит угрозу. И это не её вина. Это её чувство, с которым она выросла, которое впитала с молоком матери, которое ей передали, и которое она теперь носит, даже не зная о его существовании.

Возможно, в этот момент она и не думала, что её отношение к деньгам — не её. Что оно, возможно, принадлежит кому-то из прошлого. Но где-то на границе сознания промелькнула мысль: «А почему я не рада? Почему я боюсь того, чего ждала?» И это уже был первый крошечный разрыв в той плотной ткани установок, которая покрывает большинство наших отношений с деньгами.

Интересно, что бы произошло, если бы она позволила себе просто обрадоваться? Без анализа, без предчувствия плохого, без чувства вины. Если бы она сказала себе: «Я это заслужила. У меня есть деньги. Я могу их потратить так, как хочу»? Почувствовала бы она себя лучше или хуже? Или это чувство — лёгкое, почти забытое — было бы настолько незнакомым, что она просто не узнала бы его?

Если бы ваши деньги могли говорить, что бы они сказали вам? И что бы они сказали о вас?

Глава 3. Денежный сценарий: что нам завещали родители

Он стоял в очереди в супермаркете и смотрел, как кассирша пробивает товары. Молоко, хлеб, яйца, пачка масла, дешёвая колбаса — та самая, которую он в детстве ненавидел, но которую мама всегда покупала, потому что она стоила на двадцать рублей меньше «нормальной». На табло загорелась сумма. Он машинально протянул карту, но внутри что-то кольнуло. Знакомое ощущение. Он мысленно услышал голос матери: «Опять ты берёшь эту колбасу, она же несъедобная. Но дорогую мы не можем, на хлеб не хватит». Ему сорок два, он зарабатывает в пять раз больше, чем зарабатывал его отец в лучшие годы, но он всё ещё покупает дешёвую колбасу. И чувствует вину, если берёт дорогую.

Это не навязчивое воспоминание, не флешбэк в клиническом смысле. Это голос, который звучит так тихо, что его почти не слышно. Но именно он управляет выбором. Он определяет, что мы кладём в корзину, куда вкладываем деньги, боимся ли мы тратить или, наоборот, транжирим без оглядки. Этот голос — часть того, что называют денежным сценарием. Свод правил, установок, запретов и разрешений, которые мы получили от родителей, даже если они не произносили их вслух.

Исследователи, работавшие над проектом «Четвёртая

форма денег», выделили одиннадцать родительских сценариев, которые формируют наше финансовое поведение. Каждый из них — это не просто привычка, а целая система убеждений, встроенная в самую раннюю структуру личности. Эти сценарии не осознаются, пока не начинаешь их специально отслеживать. Они проявляются в мелочах: в выборе товара, в реакции на скидку, в том, как мы обсуждаем деньги с партнёром, в том, чувствуем ли мы себя вправе просить о прибавке к зарплате.

Николай Волк в книге «Деньги в твоей голове» описывает этот феномен с почти хирургической точностью. Он говорит, что наше отношение к деньгам — это не результат рационального выбора, а продукт семейной системы, в которой мы выросли. Деньги, по Волку, — это не просто цифры, а проекция отношений с родителями. Если в детстве ребёнок слышал «денег нет», он вырастает с убеждением, что денег всегда нет, даже когда они есть. Если родители постоянно ссорились из-за денег, ребёнок усваивает, что деньги — это источник конфликта, и во взрослой жизни будет избегать разговоров о финансах или, наоборот, провоцировать ссоры. Если родители использовали деньги как награду или наказание, ребёнок вырастает с убеждением, что деньги — это мера его ценности как личности.

Вернёмся к мужчине с колбасой. Его сценарий, скорее всего, относится к категории «экономия как добродетель». Он не просто выбирает дешёвый продукт — он выбирает

безопасность. Потому что в его детстве экономия была не финансовой стратегией, а способом выживания, способом сохранить лицо, способом не оказаться в долговой яме. И даже сейчас, когда угрозы нет, его психика продолжает работать в старом режиме: сэкономить — значит быть хорошим, правильным, достойным. Потратить — значит рискнуть, проявить слабость, подвести семью.

Но есть и противоположный сценарий, который «Четвёртая форма денег» называет «деньги как компенсация». Он возникает в семьях, где родители много работали и мало времени проводили с детьми, а потом откупались игрушками или подарками. Ребёнок вырастает с убеждением, что деньги могут заменить любовь, внимание, заботу. И во взрослой жизни он либо требует денежных подтверждений любви от партнёра, либо сам использует деньги, чтобы компенсировать своё отсутствие, — и никогда не чувствует себя удовлетворённым, потому что на самом деле ему нужны не деньги, а то, чего они не могут дать.

Волк приводит яркий пример из практики: женщина, которая в детстве видела, как отец теряет бизнес, а мать начинает работать на трёх работах, во взрослой жизни не может спать спокойно, если на счету меньше определённой суммы. При этом она не тратит эти деньги — она просто должна их видеть. Для неё деньги — это не ресурс, а гарантия безопасности. Но гарантия эта иллюзорна, потому что сумма, которая успокаивала бы её, постоянно растёт. Начиналось с трёх-

месячного запаса, потом стала годовая подушка, потом — сумма на квартиру, потом — на дом. Сколько бы у неё ни было, всегда мало. Потому что страх не связан с реальным положением дел. Он связан с тем детским ощущением, что мир ненадёжен и в любой момент всё может рухнуть.

Сценарий этого мужчины в супермаркете — «экономия как добродетель» — не хуже и не лучше других. Он просто есть. И он определяет его жизнь гораздо сильнее, чем он сам готов признать. Он не выбирает колбасу — колбаса выбирает его. Потому что в его голове живёт та самая мамина интонация, которая когда-то была единственной правдой. И даже сейчас, когда он может купить любую колбасу в этом магазине, он слышит её голос и подчиняется. Не потому, что он слабый или глупый. Просто сценарий записан в той части психики, которая отвечает за выживание. А выживание не любит перемен.

Особенно сложно эти сценарии меняются, когда вступают в конфликт друг с другом. Часто в одной семье ребёнок получает противоречивые послания: отец говорит «деньги надо зарабатывать», мать — «главное не в деньгах счастье». Одно из них становится явным правилом, другое — подспудным чувством. Во взрослой жизни человек может искренне верить, что деньги важны, но каждый раз, когда он зарабатывает больше обычного, чувствовать стыд. Потому что в глубине души он помнит: «главное не в деньгах». И зарабатывание денег превращается в предательство тех самых мам-

ных слов, которые он, возможно, даже не помнит отчётливо.

Один из одиннадцати сценариев, выделенных в «Четвёртой форме денег», называется «деньги как секрет». Он возникает, когда родители никогда не говорили о деньгах при детях, прятали кошельки, не объясняли, почему можно купить одно и нельзя другое. Ребёнок вырастает с убеждением, что деньги — это тайная, почти неприличная тема. И во взрослой жизни он не может говорить о зарплате, не может просить повышения, не может обсуждать финансовые планы с партнёром. Деньги для него — что-то постыдное, и любой разговор о них вызывает острую неловкость.

Волк подчёркивает: чтобы изменить денежный сценарий, недостаточно просто узнать о его существовании. Потому что знание остаётся на уровне интеллекта, а сценарий записан на уровне тела, на уровне привычного напряжения в плечах, на уровне дыхания, которое перехватывает, когда нужно заплатить крупную сумму. Это не идея, которую можно просто заменить другой идеей. Это мышечная память, эмоциональная реакция, автоматизм. И для того чтобы его сдвинуть, нужно не просто понять, но и прожить новый опыт. Почувствовать, что можно купить дорогую колбасу и мир не рухнет. Что можно рассказать о своих доходах и не быть осуждённым. Что можно попросить прибавку и не потерять лицо.

Мужчина с колбасой вышел из магазина, держа в руке пакет с привычными продуктами. Он вздохнул и подумал о

том, что завтра, возможно, купит ту самую дорогую колбасу, которую присматривал уже неделю. Но в глубине души он знал, что завтра он снова возьмёт дешёвую. Не потому, что не может позволить себе другую. А потому что голос из детства говорит громче, чем здравый смысл. И этот голос он не выбирал. Он его просто получил. Как получают способность бояться или, наоборот, рисковать. Это часть его истории. Но история, как известно, не заканчивается на том, что уже случилось. Она продолжается в каждом новом выборе.

Какой голос из детства звучит в вашей голове, когда вы достаёте кошелёк? И чей он — ваш или чужой?

Глава 4. Культурный код: русские деньги сквозь века

В электричке, на грязноватой полке над сиденьем, лежала клетчатая сумка. В ней — банка солёных огурцов, несколько пакетов с зеленью, три килограмма картошки из той самой партии, которую бабушка вырастила на даче, и старая, потёртая купюра, сунутая на всякий случай между пакетами, чтобы «было, если что». Молодой человек, едущий в город, знает, что картошка обойдётся дороже, чем в супермаркете, если посчитать бензин и время. Но он везёт её. Потому что это семейное. Потому что бабушка обидится. Потому что «своё — оно надёжнее». И потому что в какой-то невысказанной глубине его сознания живёт убеждение: деньги, которые получены от родной земли или переданы из рук в руки, — настоящие. А те, что на карте, — виртуальные, чужие, ненастоящие.

Электричка — это не просто транспорт. Это культурное пространство, где российское отношение к деньгам проявляется с почти этнографической отчётливостью. Передача денег из рук в руки, доверие, построенное на личных связях, недоверие к банкам и картам, привычка хранить наличные «под подушкой» — всё это не случайность. Это многовековой культурный код, который определяет наши финансовые решения гораздо сильнее, чем экономическая логика.

Исследователи Адриан Фернам и Майкл Аргайл в книге «Деньги. Секреты психологии денег и финансового поведения» пишут о том, что отношение к деньгам сильно варьируется в зависимости от культурного контекста. То, что в одной культуре считается нормой, в другой может восприниматься как странное или даже неприличное. Например, в некоторых культурах обсуждать зарплату — обычное дело, в других — грубейшее нарушение этикета. Но, как замечают авторы, существуют и более глубокие культурные различия: ценности, связанные с накоплением, тратами, долгами, подарками, взаимопомощью. Эти ценности не просто существуют сами по себе — они формируются веками и передаются из поколения в поколение, часто вне осознания самих носителей.

Яков Миркин, экономист и культуролог, много писавший о русских деньгах, подчёркивает: российская финансовая культура — это культура дефицита, выживания, которая складывалась в условиях постоянной нестабильности. Россия — страна, где исторически государство было сильнее человека, где собственность всегда была условной, где деньги могли обесцениться за одну ночь. Отсюда — привычка не доверять долгосрочным планам, отсюда — «живём сегодня», отсюда — стремление вложить деньги в то, что можно потрогать: недвижимость, золото, земля. И отсюда же — глубокое, почти мистическое отношение к деньгам как к чему-то опасному, чужому, что может исчезнуть в любой момент.

В русской культуре деньги всегда были под подозрением. «Богатство — грех» — эта мысль звучит не в Библии, где деньги — лишь нейтральный инструмент. Но в народном сознании она укоренилась прочно. Богатый в русских сказках — либо злодей, либо дурак, с которым в итоге случается беда. Бедный, честный, добрый — всегда в выигрыше, даже если остаётся без гроша. Честный бедняк — почти святое. Богатый — почти всегда несправедливый. И этот культурный архетип работает до сих пор, десятилетиями советской власти и рыночной экономики его не стереть.

Вспомним советское время, когда деньги были не столько средством обмена, сколько распределительной системой. Зарплата была у всех примерно одинаковой, а главное богатство было не в деньгах, а в доступе: к дефициту, к квартирам, к путёвкам, к связям. Деньги обесценивались инфляцией, которая в отдельные годы съедала сбережения почти полностью. И в этой системе единственной валютой было доверие к человеку — к соседу, к родственнику, к знакомому, который мог «достать» нужную вещь. Отсюда, возможно, и идёт то самое «своё — оно надёжнее», которое мы видим в сцене с электричкой. Не потому что человек глупый или консервативный. Просто его генетическая память, его культурная наследственность знает: деньги, которые пришли через знакомого, через проверенного человека, — безопаснее. Деньги, которые пришли безымянно, с карты — могут в любой момент исчезнуть, как исчезали раньше.

Миркин также отмечает: в России силён конфликт между «духовностью» и «богатством». Не случайно фраза «не в деньгах счастье» считается чуть ли не национальным девизом. Она освобождает от ответственности зарабатывать. Она успокаивает, когда денег нет. Но она же мешает, когда они появляются, — вызывает чувство вины, стыда, ощущение, что ты предал что-то важное, отрёкся от своего народа, стал «чужаком». Богатый человек в российском культурном коде часто воспринимается как тот, кто либо украл, либо продался. И это — одна из самых мощных подсознательных установок, которая удерживает людей от того, чтобы по-настоящему богатеть. Потому что в глубине души человек знает: если он станет богатым, его перестанут любить. А быть бедным и любимым — это единственная безопасная комбинация.

Фернам и Аргайл приводят данные кросс-культурных исследований, показывающих, что в странах с высокой степенью экономической нестабильности люди склонны меньше доверять институтам и больше — личным связям. И эта тенденция сохраняется даже спустя поколения после того, как нестабильность ушла. Человек, выросший в семье, где рассказывали о том, как деньги «сгорели» в девяностые, как пропали вклады, как подвели государственные гарантии, — даже если он сам не пережил этих событий, несёт в себе их страх. Он будет копить в наличных, покупать квартиру, а не акции, держать деньги в нескольких банках или вовсе — под подушкой. Потому что это — проверенный способ. И ника-

кая экономическая грамотность не заставит его доверять системе, которая исторически его подводила.

Электричка замедляется, подъезжая к городу. Молодой человек берёт клетчатую сумку, взвешивает её в руке. Картошка, огурцы, зелень — и потёртая купюра, засунутая между пакетами. Он знает, что эта купюра — не просто деньги. Это связь с прошлым, с бабушкой, с тем укладом, в котором он вырос. Это единственная форма богатства, которую он не боится иметь. Потому что она не требует объяснений. Она не вызывает стыда. Она своя.

И пока он идёт от электрички к метро, в его голове мелькает мысль, которую он не формулирует до конца: а что, если богатство может быть не чужим? Что, если оно может быть своим — не только в виде картошки и огурцов, а в виде свободы? Но эта мысль слишком новая, слишком непривычная. И он отодвигает её в сторону, чтобы подумать потом. Когда-нибудь потом. А пока — в кармане есть телефон, где светится сумма на карте. И клетчатая сумка, где лежит старая купюра. И в голове — культурный код, который он не выбирал, и который всё равно определяет его путь.

Какие голоса из истории вашей страны звучат, когда вы принимаете финансовое решение? И принадлежат ли эти голоса вам или тем, кто жил до вас?

Часть вторая. Как работает мышление бедности и богатства

Глава 5. Психология бедности: что это и как она работает

Она сидит на кухне, перед ней — блокнот, в котором она пытается вести учёт расходов уже третий месяц подряд. Третий месяц одни и те же столбцы: «аренда», «продукты», «коммуналка», «проезд». Третий месяц в конце колонки красная цифра, которая говорит о том, что опять не хватает на то, чтобы купить новые джинсы, не хватает на подарок подруге, не хватает даже на кино. Она смотрит на эти цифры и чувствует, как внутри разрастается тяжесть, которая почти физически давит на грудь. Это не просто усталость. Это ощущение, что выход закрыт, что любые попытки изменить ситуацию бесполезны, что она никогда не выберется из этого круга. И она уже не помнит, когда это началось.

Психология бедности — это не про сумму на счету. Это про состояние сознания, которое возникает тогда, когда человек перестаёт верить в возможность выхода.

Андрей Миллиардов в книге «Психология бедности и как от нее избавиться» пишет о том, что бедность —

это прежде всего внутреннее состояние, которое формируется годами, переходит из поколения в поколение и становится образом жизни. Это не просто отсутствие денег. Это особое восприятие реальности, при котором любые возможности воспринимаются как угрозы, любые перспективы — как недостижимые, любые ресурсы — как временные и ненадёжные. Бедность, по Миллиардову, — это мышление. И это мышление можно изменить, но для этого сначала нужно его увидеть.

Но что такое это мышление? В первую очередь — убеждение, что ресурсов всегда будет мало. Человек в состоянии психологической бедности не видит ресурсов, потому что его мозг настроен на дефицит. Он ищет подтверждение своей бедности везде: в ценах, в зарплатах, в словах начальника, в новостях. И находит. Потому что мозг всегда находит то, что ищет. Если ты ищешь доказательства того, что мир опасен и денег нет, ты их найдёшь. И будешь прав. Но эта правота не делает тебя свободнее.

Маруся Светлова в книге «Деньги. Изобильное мышление» говорит о том, что психология бедности — это не просто установка, а целая система убеждений, которая пронизывает все сферы жизни. Человек с мышлением бедности не верит, что может влиять на свою финансовую реальность. Он воспринимает деньги как что-то внешнее, что либо приходит, либо не приходит, и от него самого почти ничего не зависит. Бедность, по Светловой, — это убежде-

ние в собственной беспомощности. И это убеждение становится самоисполняющимся пророчеством: человек не предпринимает действий, которые могли бы изменить ситуацию, потому что заранее знает, что ничего не выйдет. И ничего не выходит. Круг замыкается.

Наша героиня с блокнотом — классический пример этого состояния. Она не просто считает расходы. Она подтверждает себе: «Я не справляюсь». Каждая красная цифра — это не информация, а приговор. И она не замечает, как именно эта интерпретация мешает ей видеть реальные возможности. Например, она могла бы попросить прибавку, но не просит — потому что «всё равно не дадут». Она могла бы найти подработку, но не ищет — потому что «все объявления — обман, и ничего не получится». Она могла бы сократить ненужные расходы, но не видит их — потому что все расходы кажутся жизненно необходимыми, даже те, которые можно было бы урезать. Её мозг работает в режиме выживания, а не в режиме развития. И в этом режиме любая возможность воспринимается как опасность, а любое изменение — как риск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.